

УДК 82/821.0

«ФИЛОСОФСКИЕ ТЕЧЕНИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» П.П.ПЕРЦОВА КАК МОДЕЛЬ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ В СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ

© В.Н.Крылов

В статье уточняется история создания сборника, привлекаются переписка и неопубликованные материалы, устанавливается значение сборника в истории критики и литературы серебряного века.

Ключевые слова: литературная критика, философия, религия, мировоззрение.

В 1895 г. П.П.Перцов, казанский издатель, известный в дальнейшем символистский деятель, выпустил в свет сборник «Философские течения русской поэзии», которому суждено было стать заметной вехой в истории новой интерпретации русской поэзии в критике серебряного века, а в более широкой перспективе он стал одним из первых опытов коллективных смешанных сборников критики и поэзии. Занявшись в Петербурге издательской деятельностью, П.П.Перцов не преследовал коммерческих целей: «...Я издаю книги, которые считаю хорошими и которые издать автор не может, а издатели-купцы не хотят» (письмо к отцу от начала февраля 1897 г.) [1: 562]. Реконструировать историю создания «Философских течений русской поэзии» позволяют воспоминания самого Перцова, а также его переписка.

История замысла сборника довольно подробно описана в воспоминаниях самого П.П.Перцова (в главе VI «Брожение в критике»): «После издания сборника «Молодая поэзия» у меня явился новый литературный план, отчасти также собирательного и резюмирующего характера. От поэзии естественно было перейти к критике, поскольку эта последняя соприкасалась с поэзией, и попробовать подвести **некоторые итоги и ее новизне**, поскольку эта новизна могла и успела обнаружиться в таком соприкосновении» (выделение мое – В.К.) [2: 155]. Эти слова Перцова требуют некоторого историко-литературного комментария, учитывающего общую ситуацию зрелого перелома в русской критике, а также позицию самого П.П.Перцова.

На рубеже веков появляется поколение «сомневающихся метафизиков». Перефразируя известные слова В.Г.Белинского «Действительность – вот лозунг и последнее слово современного мира!» [3: 348], можно сказать: идеал, тайна, поиск вечных ценностей – вот лозунг и последнее слово современного мира! Д.С.Мережковский в статье «Мистическое движение нашего века» (1893) писал об одной из тенденций XIX

века – все более усиливающимся «научном и художественном мистицизме, неутомимой потребности новых религиозных идеалов»: «Мы начинаем замечать, что слишком увлеклись материальной стороной культуры, могуществом техники, довольно подозрительными дарами цивилизации, которые прославляются печатью <...> Кроме усовершенствования комфорта, техники и материальной стороны жизни во всех великих исторических культурах есть духовное, бескорыстное зерно, основание нового религиозного культа, установление новой связи человеческого сердца с божественным началом мира, с бесконечным» [4: 416].

Целые пласты истории литературы, поэтические явления (Тютчев, Фет, Полонский, Баратынский) оказались недооцененными традиционной критикой 60-80-х гг. П.П.Перцов в воспоминаниях начала 1930-х гг. приводит поразительный факт: по поводу смерти Фета в журнале «Русское богатство» нельзя было сказать что-либо, и приходилось индивидуальную «фетоманию» «держат в кармане» [2: 91]. Особенно много в спорах 1890-х гг. говорилось о печальной судьбе русской поэзии. В «Письмах о поэзии», опубликованных в «Волжском вестнике», Перцов писал о «вкладе» критики в то, что общество не читает и не понимает стихов. В третьем «Письме о поэзии» он напоминал об «истинной» роли поэта, о необходимости понимания поэзии как искусства. В этой связи вспоминался писаревский «рецепт» воспитания поэта-гражданина: «Писарев полагал, что для того, чтобы сделаться великим поэтом и даже просто поэтом <...> нужно долго обучать себя гражданским чувствам <...> Писаревский рецепт заключал в себе все, что угодно <...>, но в нем были опущены из виду самые главные средства – свобода творчества и изучение красоты». Здесь же прозвучала мысль, ставшая общей для символистов: о необходимости изучения поэзии, знакомства с поэтическим опытом других. Он говорит о «поэтическом невежестве», о том, что неко-

торые молодые поэты совершенно не считают нужным заглядывать в творения своих великих предшественников. «Раз поэзия есть искусство, то к ней надо относиться, как относятся к другим искусствам их адепты» [5].

В переписке П.П.Перцова с В.Я.Брюсовым обсуждались и теоретические вопросы, важные для формирования принципов изучения поэзии, которые проявятся в полной мере в литературно-критических выступлениях начала XX века (поэзия как отражение личности художника, необходимость рассмотрения поэтического произведения «в союзе» с личностью, поиск философского мирозерцания в поэзии). В этом же духе высказывался Брюсов и в ряде неопубликованных критических опытов 1890-х гг.¹

В этом контексте и вполне объяснимо просветительское желание П.П.Перцова ознакомить публику с немногими образцами новой критики, пусть и еще недостаточно представленными на русской почве. В его переписке с Брюсовым есть и отклики «вождя» символистов на перцовский замысел. Одобряя его, Брюсов поднимает весьма существенный теоретический вопрос, что считать философскими мотивами в поэзии: «Что Вы понимаете под философ[скими] мот[ивами] в поэзии Кольцова? Надеюсь не его гегелианск[ие] стихи <...> Разве шопенгауэрские мотивы у Фета пережиты им? о нет! Это случайные настроения!» [7: 36]. Как только сборник появился, эпистолярное обсуждение было продолжено. Брюсов настаивает на том, что нельзя смешивать мирозерцание и «истинную философию поэзии»: «...В поэзии есть нечто иное – особое отношение к миру, к себе самому, к непостижимому, это-то и есть истинная философия поэзии. Как глубока она, например, у Арт. Рембо – и как ничтожно его мировоззрение. Спросите его, как он смотрит на жизнь – он ответит очень старым правилом: пей и наслаждайся. Но почему его поэзия столь дивно притягательна? Потому что его душа иначе чувствовала эти два слова, чем миллионы других <...> В гармонии стиха, в эпитетах, в образах – гораздо больше философии, чем в жиденьких стихотворных рассуждениях» [7: 74].

На наш взгляд, проект Перцова стал продолжением той же линии в интерпретации русской поэзии, какую начал Мережковский в своем ма-

нифесте «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». О значимости сборника именно для теоретического самосознания новой критики свидетельствует и такой дополнительный источник, как письмо П.Перцова к В.Брюсову, обнаруженное нами в архиве В.Брюсова. Неопубликованная часть переписки Брюсова и Перцова представляет значительный интерес для реконструкции раннего периода символизма. Приведем большую часть письма, отправленного Перцовым из Казани в Москву от 10 августа 1895 г.:

г. Казань, Рыбная площадь. Д.Афанасьева.

«За последнее время я занимался моим новым литературным проектом, о котором не помню, сообщал ли Вам. Это – новый сборник стихотворений уже «старой поэзии», но несколько специального характера. Он будет называться «Философские мотивы русской поэзии» и включает только 12 крупнейших авторов. Перед стихотворениями каждого будет помещена руководящая статья соответствующего характера – в этих последних лежит собственно центр тяжести. Авторы-поэты будут: Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Кольцов, Тютчев, Майков, Полонский, Фет, Ал.Толстой, Огарев, Апухтин и Голенищев-Кутузов. Авторы-критики – Мережковский (статьи о Майкове, о Кольцове и, м.б., еще другие); Андреевский (о Лермонтове и о Баратынском); Ваш покорнейший слуга (об Апухтине, Огареве и Ал.Толстом) и – в предположении – Никольский (о Фете) и Вл.Соловьев (о Тютчеве). Предприятие, как видите, достаточно солидное и требует много работы. Эта книга предполагается листов в 20 – прозы и стихов пополам. Стихотворения избираются, конечно, только наиболее типичные для философской индивидуальности данного автора. В настоящее время 6 поэтов уже совершенно готовы к печати, но это – более легкая половина. Выпустить книгу совсем я думаю не раньше будущей осени.

Относительно ее идеи Вы, вероятно, не найдете ее ложной или не заслуживающей внимания. Аксиома, что каждый поэт есть философ в прямом смысле этого слова – вероятно, признается Вами? Не менее верно также и то, что до сих пор на эту сторону нашей поэзии почти не было обращено внимания, и отдельные попытки в этом роде никогда не были сгруппированы и приведены к общему итогу. Да и до того ли было, когда и вообще-то на поэзию смотрели с точки зрения либеральной свистопляски. Итак, надлежит установить новую точку критических умозрений и утвердить ее нарочитыми примерами. А попутно открывается очень мно-

¹ Например, в «Критических заметках о журнале «Русское богатство» и его сборнике»: «Кто пишет рецензии? <...> Я понял бы, если бы о моих стихах высказался сурово [нрзб] К.К.Случевский, вообще человек, знающий, что такое стих. Но какое мне дело до [нрзб] неподписанного ругателя из «Русского богатства?»» [6].

го интересного и ценного в сравнении авторов между собою, для чего параллельная выставка поэтов особенно удобна» (выделение мое – В.К.) [8].

Это письмо позволяет реконструировать более подробно замысел Перцова. Предисловие к сборнику структурно распадается на три части. Первая – посвящена обоснованию задач философско-метафизического подхода критики к анализу поэзии. В отличие от письма, где есть следы поисков, раздумий, предисловие строится как цепь утверждений, в которых автор не сомневается. «Если искусство есть лучшая форма выражения индивидуальности, лучший способ раскрытия души человеческой, – то с другой стороны главным содержанием индивидуальности, определяющим ее моментом является бесспорно религия: то или иное отношение человека к важнейшим, к вечным вопросам бытия» [9: 10]. Деструктивный, «отвергающий» фрагмент предисловия (вторая часть) направлен против предшествующей критики, на которую возлагается «вина» в отношении к «вопросам поэзии и философии»: «Своеобразное отношение прежней русской критики к вопросам поэзии и философии оставило интересующую нас область почти неразработанной» [9: 10-11]. Заключительная часть обосновывает построение книги. Таким образом, перцовский замысел связан с переоценкой наследия русской критики на рубеже веков [10].

С другой стороны, сборник Перцова нужно рассматривать и в контексте активизировавшегося на рубеже веков издания самых разнообразных, художественных, философских, публицистических сборников (из последних двух самые известные – «Проблемы идеализма», «Вехи» и т.д.). Со второй половины 1890-х гг. появляются и новые для русской критики типы сборников – не механические собрания статей, а концептуальные книги, пронизанные внутренней логикой [11]. Пресловутая книжность (металитературность) символистов искала выхода за пределами только собственно художественных книг.

Составляя антологию, Перцов не только использовал уже имеющиеся в арсенале современной критики статьи о русских поэтах (как, например, работу Вл.Соловьева о Тютчеве), но и «заказывал» новые статьи. Так как сама идея подобного сборника принадлежала Д.С.Мережковскому, лекции которого «О причинах упадка...» оказали сильное впечатление на молодого Перцова, то можно предположить, что имена поэтов и критиков «подсказаны» Мережковским. В примечаниях к книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литерату-

ры» (раздел VI «Современное литературное поколение») он писал о «пробелах» в очерке современной литературы, о том, что подробное изучение русской поэзии предполагает «начать с произведений истинных преемников Пушкина и Лермонтова», как отразился «возвышенный идеализм XIX века» в поэзии А.Н.Майкова, Я.П.Полонского, Л.А.Мея, А.А.Фета, Ф.И.Тютчева, А.Н.Плещеева, А.Н.Апхутина, А.А.Голенищева-Кутузова. «Если бы все эти разрозненные явления, еще до сих пор не связанные и не разработанные ни одним исследователем, соединить в одну живую картину, в одно громкое и непреложное свидетельство, может быть, и самый скептический читатель почувствовал бы, как много скрытых сил дремлет в современной русской поэзии» [4: 496-497]. Практическую реализацию этот план и получает у Перцова. Типологически его сборник стал смешанным коллективным сборником критики и поэзии (но все-таки критика на первом плане): в нем впервые появившиеся статьи соединены с уже опубликованными.

Безусловным центром сборника стала статья Д.С.Мережковского «Пушкин», заказанная Перцовым специально для этого сборника. Мережковский интерпретирует личность и творчество Пушкина в контексте не только русской, но и европейской литературы. Отталкиваясь от уже имевшихся в критике сравнений и не «задерживаясь» на сопоставлении «Пушкин – Байрон», Мережковский сюжет статьи строит на параллели «Пушкин – Гете». Поэтому ее вполне можно было бы назвать «Пушкин и Гете», так как это сопоставление проходит через весь текст и определяет концепцию творчества Пушкина. Как верно подчеркивает Г.Е.Потапова, по сравнению с пушкинской речью Достоевского, у Мережковского Пушкин «уже не противопоставлен гениям европейской культуры, а напротив – вписан в их ряд. Он продолжает дело Леонардо да Винчи и Гете» [12: 277]. Сравнение с Гете оказывается значимым не только для «защиты» Пушкина-мыслителя, но и потому, что роль Гете для России мыслится в «Вечных спутниках» как роль спасительного урока. Гете должен научить Россию тому, чего у нее нет, чего ей патологически не хватает. «“Кто вечно трудится стремясь, / Того спасти мы можем” <...> «В этих словах, – говорит Гете, – ключ к спасению Фауста»².

Не меньшее значение имеет и очерк С.А.Андреевского «Лермонтов». Андреевский

² Г.Е.Потапова цитирует место из статьи «Гете», несомненно, перекликающееся со статьей «Пушкин» [12: 277-278].

был адвокатом, поэтом, литературным критиком, выступал с лекциями по творчеству Лермонтова, Баратынского, Достоевского, Л.Толстого, Тургенева и других писателей. Работа о Лермонтове была высоко оценена в кругу символистов и религиозных философов. В.Розанов отмечал: никто из критиков не сказал, что «связь с сверхчувственным у Лермонтова есть самая главная черта» [13]. В этом очерке последовательно реализуется цель – отмежеваться от публицистического подхода к Лермонтову (идет спор с Белинским). Андреевский делает попытку рассмотреть Лермонтова в контексте отношения мировых поэтов к вере, к вопросам вечности. «Данте-католик; его вера ритуальная. Шекспир в «Гамлете» задумывается над вопросом: есть ли там «сновидения»? – а позже в «Буре», склоняется к пантеизму. Гете – поклоняется природе. Шиллер – прежде всего гуманист, и, по-видимому, христианин, Байрон, под влиянием «Фауста», совершенно запутывается в «Манфреде» <...> Пушкин относился трезво к этому вопросу и осторожно ставил вопросительные знаки. Тургенев всю жизнь был страдающим атеистом. Достоевский держался очень исключительной и мудреной веры, в духе православия. Толстой пришел к вере общественной, к практическому учению деятельной любви. Один Лермонтов нигде положительно не высказал (как и следует поэту), во что он верил, но зато во всей своей поэзии оставил глубокий след ясной связи с вечностью. <...> Вера, чем менее она категорична, тем более заразительна» [9: 133-134]. Этот очерк заложил основу других символистских интерпретаций Лермонтова. Мы заметили стилистическую связь позднейшей работы Мережковского («Лермонтов. Поэт сверхчеловечества») с этим очерком. По Андреевскому, спор о том, кто выше – Лермонтов или Пушкин – бесплоден. Приведем два аргумента. «Их совсем нельзя сравнивать, как нельзя сравнивать сон и действительность, звездную ночь и яркий полдень» (С.А.Андреевский) (курсив мой – В.К.) [9: 148]. «Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии» (Д.С.Мережковский) [14: 379]. Мережковский дал высокую оценку этому портрету, оценив умение Андреевского войти во внутренний мир художника, сделать это с любовью и искренно.

Когда составлялся сборник, Перцов был озабочен отсутствием достойных работ даже о Пушкине. Но это было, в сущности, в самом начале серебряного века. В последующие 20 лет будет создано невероятное число глубоких работ о русской литературе, потребуется много разнообразных сборников, циклов, книг критических

статей, что и станет свидетельством расцвета литературной критики конца XIX – начала XX века. Новая критика в самом подходе к личности писателя стремилась оттолкнуться от радикальной, публицистической критики, ее стиля, языка, пыталась найти свой «ключ» к душе писателя. «Как писатель относится к вечным вопросам о Боге, о смерти, о любви, о природе, всего более интересуется нового критика, т.е. именно та сторона поэзии, мимо которой прежнее поколение публицистов проходило с равнодушием и непониманием: как будто все общественные идеалы, земная справедливость и равенство не основываются на этих вечных, легкомысленно отвергнутых и теперь с новой силою, с новою болью вернувшихся вопросах» (Д.С.Мережковский) [4: 499]. Проникновенно и задушевно сказал об этом и В.Розанов: «Как на всякую душу, правильно и на дух поэта посмотреть как на нечто глубокое, своеобразное, замкнутое в себе: «из иных миров» он приносит с собою в жизнь нечто особенное, исключительное <...> Умейте подходить к нему с любовью и интересом, и он раскроет перед вами такие тайны души своей, о которых вы и не догадываетесь» [15: 245]. Стремление понять загадку личности писателя, духовную суть его творчества, реконструировать художественное мирозерцание художника, его взгляд на вечные вопросы бытия объединяет многих критиков серебряного века. Поэтому и появится в мемуарах Перцова существенная оговорка («теперь этого затруднения не было бы») [2: 157].

П.П.Перцов признавался, что тираж книги разошелся, вероятно, «не ближе начала нового столетия» [2: 160]. Косвенно это подтверждается надписью на экземпляре сборника, хранящегося в научной библиотеке Казанского университета: «По постановлению Педагогического Совета Казанской Мариинской женской гимназии ученица VI класса Мария Левашова за отличные успехи и поведение награждена этою книгою. Казань. Августа 30-го дня 1903 года». Как вспоминала З.Гиппиус, выпускникам средних учебных заведений вручали книгу Мережковского «Вечные спутники» [16: 350]. Но, как видим, наградой служила и книга П.П.Перцова.

1. Лавров А.В. П.П.Перцов // Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 561 – 565.
2. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890 – 1902. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1948. – 931 с.

4. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – 902 с.
5. *Перцов П.П.* Письма о поэзии. Письмо третье // Волжский вестник. – 1894. – № 18. – 20 января (1 февраля).
6. *Брюсов В.Я.* Критические заметки о журнале «Русское богатство» и его сборнике // РГАЛИ, ф. 386, картон № 36, ед. хр. 39, л. 1.
7. Письма В.Я.Брюсова к П.П.Перцову 1894 – 1896 гг. (К истории раннего символизма). – М.: Гос. академия Художественных наук, 1927. – 81 с.
8. *Перцов П.П.* Письма к Брюсову В.Я. 1894 – 1895, янв. – авг. (из Петербурга, Казани в Москву) // ОР РГБ Ф. 386 98.4
9. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи / Составитель П.Перцов. – СПб.: Типография М.Меркушева, 1896. – 394 с.
10. *Крылов В.Н.* Литературная критика в функциональном аспекте // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 1 (27). – С. 114 – 117.
11. *Крылов В.Н.* Книги критических статей: особенности жанровой формы в конце XIX – начале XX века // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы Международной научной конференции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 419 – 423.
12. *Потапова Г.Е.* Д.С.Мережковский и «Записки А.О.Смирновой» // Про мемуа. Памяти академика Г.М.Фридендера. – СПб.: Наука, 2003. – С. 272 – 280.
13. *Розанов В.В.* С.А.Андреевский как критик // Новое время. – 1903. – 27 сентября.
14. *Мережковский Д.С.* В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – 496 с.
15. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. Литературные очерки. – М.: Республика. 1996. – 702 с.
16. *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н.* 14 декабря. Дмитрий Мережковский. – М.: Московский рабочий, 1991. – 523 с.

**“PHILOSOPHICAL TRENDS IN RUSSIAN POETRY” BY P.PERTSEV
AS A MODEL OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION
OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE SILVER AGE**

V.N.Krylov

The article explores the history of creation of the collection of works, the correspondence and the unpublished materials. The value of the collection for the history of criticism and the literature of the Silver Age is ascertained.

Key words: literary criticism, philosophy, religion, outlook.

* * * * *

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Казанского федерального университета.

E-mail: krylov77@list.ru

Поступила в редакцию 20.05.2013